

© 2019 г.

Б. А. АЧКИНАЗИ

АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ КОНТАКТЫ ПО ВОПРОСАМ ПЕРЕМИРИЯ И РЕАКЦИЯ НА НИХ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГАХ ФРАНЦИИ (октябрь – ноябрь 1918 года)

Ачкинази Борис Александрович – доктор исторических наук, профессор Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004838-9

11 ноября 2018 г. президент Э. Макрон организовал в Париже большие празднества по случаю 100-летнего юбилея Компьенского перемирия. Участники памятных мероприятий – лидеры стран – участниц Первой мировой войны и приглашенные гости, отмечали, что это событие положило конец кровопролитному конфликту и создало предпосылки применения правовых норм во взаимоотношениях побежденных и победителей. Реальность была не столь благостной. Последствия мирного урегулирования, начальной вехой которого стал Компьен, через два десятка лет обернулись новой вселенской драмой и очередным геополитическим переделом, осуществленном, на этот раз, германским нацизмом.

Несомненно, в перемирии 1918 г. нашли отражение характер войны и цели, преследовавшиеся победителями. Вместе с тем, зафиксированные в нем положения о прекращении военных действий, освобождении Германией всех оккупированных территорий, ее разоружении, возмещении военных убытков¹ вызвали большой резонанс и породили надежды на наступление «пацифистской эры».

В основном тема Компьенского перемирия рассматривается в контексте международной политики заключительного периода мировой войны, с акцентом на роль президента США В. Вильсона в его «идеологической» подготовке и заключении². Профессор Парижского университета Ж.-Ж. Беккер считал, что перемирие подвело итог старому мировому порядку: «Уловки Германии, связанные с ее нежеланием полностью признать собственное поражение, затянули переговоры больше чем на месяц. Мирное соглашение было подписано 11 ноября. Это означало конец целой эпохи»³. Известный российский историк и политолог А. И. Уткин косвенно затронул позицию европейских союзников относительно посреднической акции В. Вильсона. По его обоснованному убеждению «в деле были замешаны и чувства и реальные интересы. Почему

¹ Перемирие между союзниками и Германией, заключенное в Компьенском лесу близ Ретонд 11 ноября 1918 г. – *Шаццлло В. К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003, с. 337–341.

² *Link A. S.* Wilson the Diplomatist: a Look at his Major Foreign Policy. Baltimore, 1957; *Renouvin P.* L'Armistice de Rethondes. 11 Novembre 1918. Paris, 1968; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997, с. 198–202; *Keegan J.* The First World War. New York, 1998, p. 482; *Gilbert M.* The First World War. New York, 1998, p. 502; *Becker J.-J.* Le traité de Versailles. Paris, 2002, p. 7–22; *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2002, с. 611–612; *Листиков С. В.* Американская дипломатия и «русская тема» в Компьенском перемирии. – Новая и новейшая история, 2017, № 6, с. 95–109.

³ *Беккер Ж.-Ж.* Первая мировая война. М., 2006, с. 151.

французы и англичане, перенесшие основные тяготы войны, должны были говорить с врагом через заокеанского посредника? Не является ли американо-германский диалог средством и для Германии, и для США повысить свои ставки за счет Франции и Англии? Эти вопросы задавали себе и друг другу Клемансо и Ллойд Джордж в те самые дни, когда газеты неумеренно славословили президента Вильсона»⁴.

В отличие от международных аспектов выхода из войны внутренние факторы, существенно влиявшие на позицию держав-победительниц, остаются малоизученными. В первую очередь это касается Франции, где отношение политических сил к вопросам окончания войны и послевоенного устройства отличалось повышенной чувствительностью. Здесь все, что было связано с Великой войной, ее итогами и последствиями молниеносно становилось предметом широких дискуссий, обсуждений, яростной полемики и нарастающей партийной конфронтации⁵.

Оценки перемирия во французской литературе эволюционировали по мере того, как усиливалось разочарование в действенности послевоенных договоренностей. Общим местом остается описание эйфории, охватившей французов после подписания перемирия. Публицист Ф. Пишон отмечал: «Энтузиазм победы сохранялся на протяжении многих недель, что объяснялось освобождением оккупированных районов и особенно возвращением Эльзас-Лотарингии»⁶.

Со временем многие авторы стали писать о «великой иллюзии 11 ноября»⁷. А. Жюе задолго до катастрофы 1940 г., констатировал: «Франция выиграла войну, но проиграла мир»⁸. Практически дословно эту мысль повторил профессор А. Тибодэ на коллоквиуме в Ренне (1975 г.), посвященному 100-летию юбилею Третьей республики: «В 1918 г. Франция выиграла войну, однако в перспективе проиграла битву более весомую – за построение Европы и сохранение мира»⁹. Подобные суждения отражали тот факт, что отказ Германии от выполнения зафиксированных в перемирии и мирном договоре обязательств, а также нежелание бывших союзников подписать гарантийные пакты с Францией, серьезно ухудшили ее позиции в сфере безопасности. Все это вопреки тому, как констатировал выдающийся представитель французской школы историков-международников П. Ренувен, что в общественном мнении Англии и Франции звучало требование, «чтобы уже условия перемирия обеспечивали победителей гарантиями и устраняли возможность новой войны со стороны Германии»¹⁰. На нереальность подобных надежд указывал академик М. Крузе, справедливо подчеркнув, что возродить после войны «золотой век безопасности» оказалось невозможным¹¹. С суждениями маститых историков вполне перекликаются сентенции военного летчика Ж. Фрессине, участника мировых войн, который в своих воспоминаниях противопоставлял два Компьенских перемирия: «Выше моих сил описать огромную радость, которое вызвало у нас перемирие 11 ноября 1918 г. Какой контраст с позором, гневом и отчаянием 1940 г.»¹².

Национальный триумф, связанный с подписанием перемирия 1918 г., сформировавший убеждение, что Франция «выиграла войну» и последовавшая за этим ожесточенная борьба вокруг нерешенных в Компьене и Версале вопросов безопасности, остаются

⁴ Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989, с. 203.

⁵ См. Ачкинази Б. А. Мировая война и феномен Национального блока во Франции. — Новая и новейшая история, 2018, № 5, с. 43–45, и др.

⁶ Pichon F. La Victoire stérile. Paris, 1927, p. 30.

⁷ Azéma J.-P., Winock M. La III-e République 1870–1940. Paris, 1976, p. 181.

⁸ Jouet A. Ce qu'est devenue la Victoire. Versailles. Locarno. Genève. Paris, 1926, p. 8–9.

⁹ Centenaire de la Troisième République. Actes du Colloque de Rennes. 15–17 Mai 1975, p. 265.

¹⁰ Renouvin P. Le Traité de Versailles. Paris, 1969, p. 350.

¹¹ Histoire générale des civilisations (sous la dir. de M. Crouzet). T. XVII. L'Époque contemporaine. A la recherche d'une civilisation nouvelle. Paris, 1957, p. 1–2.

¹² Fraissinet J. Au Combat à travers deux guerres et quelques révolutions. Paris, 1972, p. 15–16.

стержневыми сюжетами французской истории первой половины XX в. Внешние и внутренние факторы, приведшие к катастрофе 1940 г., получили широкое освещение в историографии, о чем свидетельствует и одна из последних емких публикаций на эту тему А. А. Вершинина (МГУ)¹³. В свою очередь внутривнутриполитические факторы, связанные с проблемой выхода страны из мировой войны 1914–1918 гг., во многом обусловившие повышенную конфронтационность в обществе и политикуме, остаются в тени.

В статье предпринята попытка выяснить реакцию в политических кругах Франции на германо-американские контакты по поводу заключения перемирия и раскрыть отношение к самой формуле переговоров и тем условиям, без признания которых противником не мыслился переход к длительному миру и обеспечению безопасности. Изучение этих вопросов позволяет более глубоко осмыслить истоки ожесточенной внутривнутриполитической борьбы, сотрясавшей Францию на протяжении всего межвоенного периода, во многом предопределившей ее внутреннюю слабость и капитуляцию уже в начальный период Второй мировой войны перед тем же противником, над которым она торжествовала победу в 1918 г.

* * *

С приближением конца военных действий во Франции обострилась политическая борьба относительно вопросов будущего мирного урегулирования. На характер дискуссий в политическом мире влияли тяжелые последствия войны и эмоции вокруг того, что страна дважды за жизнь одного поколения подверглась опустошительному нашествию из-за Рейна¹⁴. В этой связи требования навсегда избавить страну от германской угрозы и заставить немцев компенсировать причиненный ущерб, воспринимались как законные и справедливые. В марте 1917 г. премьер А. Рибо заявил, что речь не идет о преднамеренных захватах, однако Франция «имеет законное право на реституции, репарации и гарантии»¹⁵. Этот же рефрен звучал и в декларации военного кабинета П. Пенлеве от 18 сентября 1917 г.: «Возвращение Эльзаса и Лотарингии, возмещение врагом убытков за причиненный ущерб, заключение мира, основанного не на принуждении и насилии, содержащих в себе зародыш будущих войн, а на принципах справедливости, мира, лишенного каких-либо признаков насилия, ...именно в этом заключаются благородные цели Франции»¹⁶.

Под аккомпанемент подобных заявлений в правительственных и политических кругах активно разрабатывались и обсуждались формулы обеспечения надежных гарантий безопасности. Однако требования, выдвинутые правительством Клемансо, натолкнулись на противодействие со стороны союзников, прежде всего США, программы послевоенного устройства которых не совпадали с расчетами французской стороны.

США, до поры до времени сохранявшие свободу рук своим союзникам, властно заявили о себе на заключительном этапе военных действий. «Первая мировая война, — подчеркивал З. Бжезинский, — явилась первой возможностью для массовой переброски американских вооруженных сил в Европу. Страна, находившаяся в относительной изоляции, быстро переправила войска численностью в несколько сот тысяч человек через Атлантический океан: это была трансокеаническая военная экспедиция, беспрецедентная по своим размерам и масштабу, первое свидетельство появления на международной арене нового крупного действующего лица. Представляется

¹³ Вершинин А. А. Эдуард Даладьё и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны. — Новая и новейшая история, 2018, № 4, с. 42–72.

¹⁴ Исчерпывающие данные о французских жертвах, разрушениях и убытках приведены в книге профессора А. Сови — *Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres. 1918–1931. Paris, 1965.*

¹⁵ *Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. 11-me législature. Session ordinaire de 1917. Tome unique. Première partie. Paris, 1918, p. 773.*

¹⁶ *Ibid.*, p. 2409.

не менее важным, что война также обусловила первые крупные дипломатические шаги, направленные на применение американских принципов в решении европейских проблем. Знаменитые «четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона представляли собой впрыскивание в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом»¹⁷.

Президент США В. Вильсон объявил свои «14 пунктов» (послание конгрессу) 8 января 1918 г. В них декларировались главные направления внешнеполитического курса США и цели в войне. По определению британского исследователя В. Джордана, суть «пунктов» американского руководителя заключалась в приближении победы над Германией и стабилизации мировой обстановки при доминирующей роли США¹⁸.

Сам Вильсон воспринимался в этот период главным апологетом либерализма. Его взгляды на мировое переустройство противопоставлялись как тайным договоренностям французского и британского кабинетов, так и революционным декларациям российского Совнаркома и съездов советов, прежде всего «Декрету о мире» от 26 октября (8 ноября) 1917 г. Положения, содержащиеся в этом документе, претендовали на создание нового мирового порядка и обеспечение всеобщей безопасности. В «пунктах» Вильсона объявлялось об отказе от тайных соглашений и замене их открытыми договорами; свободе мореплавания и торговли, в том числе во время войны; сокращении вооружений, урегулировании колониальных споров и учете интересов не только метрополий, но и населения колоний; освобождении Бельгии, возвращении Франции Эльзас-Лотарингии и выводе войск с других оккупированных французских территорий; свободном обсуждении и независимом решении всех вопросов, касающихся России; выправлении территории Италии «на базе точно определенных национальных границ», автономии народов, населяющих Австро-Венгрию и Турцию; создании независимой Польши «с выходом к морю и присоединением к Польше территорий, на которых проживают поляки»; организации «союза наций» с целью предоставления взаимных гарантий независимости, территориальной целостности как большим так и малым государствам; о прочном мире¹⁹.

С учетом того, что война втянула в свою орбиту 38 государств, обострила социальные и национальные противоречия, обусловила феномен Русской революции пункты Вильсона приобрели широкую популярность. Не касаясь многочисленных интерпретаций характера этого документа, следует отметить, что его обнародование стало следствием определенных расхождений между странами Антанты и США. Еще на межсоюзнической конференции в декабре 1917 г. представитель американского президента полковник Э. Хауз напрасно пытался обеспечить принятие общей декларации относительно условий предстоящего мира. «Сложившаяся ситуация и обусловила появление 14 пунктов Вильсона», — заключал В. М. Джордан²⁰.

Официальная реакция в правительственных и политических кругах Франции на заявления Вильсона в целом была позитивной. Клемансо и его окружение постоянно подчеркивали, что Франция остается приверженной идеалам демократии, справедливости и «принципу наций». В ходе обсуждения американских предложений на межсоюзнической конференции французский премьер дал понять, что не является противником общей декларативной преамбулы документа относительно необходимости примирения. Однако он высказался за более детальное изложение в нем французских требований²¹.

¹⁷ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2016, с. 15.

¹⁸ *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. (Анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора). М., 1945, с. 21.

¹⁹ *Wilson W.* War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917–1924), v. 1. New York, 1970, p. 159–161.

²⁰ *Джордан В. М.* Указ. соч., с. 21.

²¹ France. Ministère des Affaires étrangères. Documents diplomatique français, v. VIII. Paris, 1918, p. 63.

Вообще было хорошо известно, что «Тигр» (Клемансо) придерживался твердого намерения довести войну до победного конца и ликвидировать любую возможную угрозу со стороны Германии, прежде всего путем ее тотального ослабления. Он выступал с позиций классического французского националиста, в то время как в либеральных и пацифистских кругах принципы Вильсона воспринимались как проявление «интернационализма». Термины «интернационализм», «интернациональный» накануне обсуждения вопросов послевоенного урегулирования воспринимались двояко. С позиций «пролетарского интернационализма», «истинного интернационализма» выступали крайне левые группы в социалистических партиях, коммунистические организации, создававшиеся в странах Запада под воздействием событий в России. В либеральных кругах «интернационализм» трактовался как политика и положение вещей, которые олицетворяют международное сотрудничество на платформе сохранения мира, демократии и совместного противодействия агрессии. В полной мере принципы и идеология «национализма» и «интернационализма» в контексте международной политики были обоснованы уже после окончания войны.

Подавляющая часть французской «правой» оставалась приверженной националистическим взглядам. Правые настаивали на закреплении в будущих договорах жестких требований к Германии, ее расчленении, отторжении ряда территорий в пользу союзников, тотальном разоружении, покрытии ущерба, наказании военных преступников во главе с императором Вильгельмом II. Кайзеровскому руководству вменялось в вину ведение против Франции войны «на уничтожение». Правый публицист Мермекс (Г. Террайль) доказывал, что Германия вела против Франции «тотальную войну»: на фронте — оружием, в нейтральных странах — своей дипломатией и пропагандой, в самой Франции — своими агентами²². Одной из главнейших гарантий безопасности, по мнению правых, должно было стать не только возвращение Эльзас-Лотарингии, но и отторжение Рейнской области.

Эти требования приобретали реальные очертания по мере приближения развязки. «Момент истины» настал летом 1918 г. 8 августа в ходе Амьенской операции союзники прорвали немецкий фронт. Это положило начало их общему наступлению. Германский кайзер на военном совете в Ставке 14 августа вынужден был предложить через нидерландскую королеву мирные переговоры с Антантой и США.

Однако немецкое командование еще рассчитывало достичь успехов на Востоке. На это время приходится активизация контактов с советской Россией. 27 августа были подписаны Добавочный договор к Брест-Литовскому соглашению от 3 марта 1918 г. и секретные статьи к нему, предусматривавшие (гипотетически) совместные акции против стран Согласия на русском Севере²³.

Державы Антанты, прежде всего Франция, в сближении большевистской России с Германией усматривали угрозу своим стратегическим интересам. Немецко-большевистский альянс расценивался как наиболее опасное препятствие делу союзников и как реальная база «мировой революции». Поэтому ликвидация такой угрозы накануне подготовки перемирия с Германией рассматривалась в политическом мире Франции как условие утверждения международной и национальной безопасности²⁴.

Победа на востоке была не в состоянии предотвратить крах Германии. Это привело к серьезным изменениям в настроениях правящих кругов Четверного союза. 14 сентября 1918 г. Австрия обратилась к правительствам всех воюющих сторон

²² Mermeix. Les négociations secrètes et les quatre armistices. Paris, 1921, p. 6.

²³ Русско-германский добавочный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. — Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 437—445; Чичерин Г. В. Доклад о русско-германских добавочных договорах на заседании ВЦИК — Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 62—66; Чистиков А. Н. «Шлюссштайн». — Вопросы истории, 1993, № 11—12, с. 151.

²⁴ Более подробно о специфике русского вопроса см.: Листиков С. В. Указ. соч.

с нотой, в которой предлагалось созвать в одной из нейтральных стран конференцию для обсуждения вопросов возможного перемирия и дальнейшего примирения²⁵.

В странах Согласия и США эта нота была встречена сдержанно. Она воспринималась как тактический маневр с целью, как заявил Д. Ллойд Джордж 16 сентября в Лондоне, расколоть союзников разговорами про мир. Во Франции с ответом от имени правительства выступил Ж. Клемансо. Он снова заострил вопрос о разработке реальных гарантий безопасности. Получив сообщения об освобождении Туркуэна и Рубе, полностью разрушенных вследствие ожесточенных боев, премьер подчеркнул: «Мы добиваемся полной реализации нашего права на обеспечение необходимых гарантий против повторения варварской агрессии»²⁶. Он акцентировал внимание на преступлениях, осуществляемых Центральными державами против мира и международного права и настаивал на том, что такие действия не могут оставаться безнаказанными. Таким образом, требования наказания извечного врага и недопущения в будущем нового немецкого нашествия было положено в основу французской позиции при обсуждении вопросов перемирия и мира.

Под влиянием факторов войны и своих европейских союзников более жесткою стала и позиция самого Вильсона. Это отразилось уже в официальном заявлении Госдепартамента от 17 сентября, сделанном по поручению президента. Было объявлено, что США согласятся вести переговоры лишь с учетом принципов, объявленных Америкой 8 января. 27 сентября американский президент выступил в Нью-Йорке в «Метрополитен опера» с дополнительными комментариями к ним, распространенными Госдепартаментом. Вильсон ставил в вину немецкому руководству то, что оно не считается ни с чем, кроме силы, не соблюдает соглашений, более того, продолжает сопротивление и даже «осуществляет новые разрушения на французской территории». В этой связи он огласил несколько «основополагающих условий мира», касавшихся, в большей мере, не побежденных, а победителей:

объективный подход ко всем странам: не должно быть двух стандартов в отношении победителей и побежденных;

никакие специальные или частные интересы той или иной нации или группы наций не должны лежать в основе будущих соглашений;

запрещается создание сепаратных объединений и союзов, заключение специальных политических договоров и соглашений в системе единого и всеобщего организма Лиги Наций;

нет места для существования каких-либо особых и корыстных экономических объединений в системе Лиги наций;

запрещается использование любых форм экономического бойкота и дискриминации;

все международные соглашения и договоры различного характера должны подлежать опубликованию целиком для всеобщего ознакомления²⁷.

Условия американского президента противоречили планам и целям европейских союзников. Последние еще до вступления США в войну заключили серию договоров и соглашений, направленных на раздел территорий и колоний государств Четверного союза и защиту своих особых интересов в разных районах Земного шара.

* * *

Новации подходов президента США к проблемам примирения и послевоенного урегулирования своей патетикой и риторикой мало чем отличались от официальных

²⁵ Содержание ноты и ее воздействие на обострение противоречий в лагере Четверного союза см.: *Тардые А.* Мир. М., 1943, с. 44–46, 68.

²⁶ *Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. 11-me législature. Session ordinaire de 1918. Tome unique. Deuxième partie. Du 4 Avril au 8 Octobre.* Paris, 1919, p. 2098.

²⁷ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The World War. 1918. Supplement I.* Washington, 1933, v. 1, p. 353, 420–422. См. также: *Уткин А. И.* Указ. соч., с. 198–199.

деклараций европейских членов Антанты касательно целей войны. При этом в Америке прагматично принимали необходимость сотрудничества с Францией, Британией и другими странами, подвергшихся агрессии со стороны кайзеровской Германии и ее союзников. «Эти страны ведут войну и мы должны оказать им помощь в сложившейся ситуации для того, чтоб они эффективно продолжали борьбу», – подчеркивал В. Вильсон²⁸.

Общие декларации о высоких целях не препятствовали руководителям союзнических держав настойчиво бороться за реализацию в первую очередь собственных приоритетов. Американский президент стремился усилить позиции Америки в Европе по мере приближения победы над общим врагом. Однако провозглашенные им принципы гуманизма, уважения к правам народов, отказа от тайной дипломатии весьма сдержанно встречались в Париже и Лондоне. Французские националисты квалифицировали их как утопию, и утопию преднамеренную, которая, по их мнению, скрывала истинные цели американской политики²⁹. Французский историк А. Каспи, разбирая франко-американские отношения этой поры, отмечал, что трудно определить, чего в них было больше: противоречий или согласия³⁰.

Как свидетельствуют факты, разногласия касались базовых принципов примирения и будущего мира, трактовок гарантий безопасности, послевоенного устройства.

Осенью 1918 г. наступил момент, когда В. Вильсон попытался реально воплотить свои принципы в жизнь. По замечанию А. И. Уткина, американский президент «уходил в поднебесье мировой политики самоуверенным, одиноким». Его целью становилось обрушение всей прежней системы союзов, пересмотр многовековой дипломатической практики. Америка должна была научить Старый Свет реалиям XX в.³¹ Тогда как французское руководство оставалось при мнении, что условия примирения и послевоенного урегулирования должны решаться Европой, прежде всего Францией и Британией.

Между тем военные действия вступили в завершающую фазу. В сентябре 1918 г. начался распад блока Центральных держав. Первым к союзникам с просьбой о мире обратилось болгарское правительство. 29 сентября в Салониках, при активном участии американской дипломатии (генерального консула в Софии Э. Мерфи и атташе Б. Уолкера) между Болгарией и странами Согласия было заключено перемирие. На следующий день, 30 октября, перемирие подписала Турция. Наибольшую активность тут продемонстрировала британская дипломатия.

На Западном фронте союзные войска вышли на приграничную линию Зигфрида. В Германии обострился революционный кризис. 30 сентября кайзер «даровал» своим подданным парламентское правление. Через три дня сложил полномочия канцлер Г. Гёртлинг. На пост главы первого «парламентского» кабинета, санкционированного кайзером, был назначен принц Макс Баденский, пользовавшийся репутацией либерала. В состав правительства, не без «подсказки» американской стороны, впервые вошли социал-демократы. В окружении Вильгельма II пришли к выводу, что дальнейшее сопротивление не в состоянии предотвратить вторжения на немецкую территорию. По поручению императора в ночь с 3 на 4 октября 1918 г. М. Баденский при посредничестве нейтрального швейцарского правительства передал телеграмму В. Вильсону с предложением перемирия. Таким образом инициатива ведения мирных переговоров оказалась в руках американского президента.

С 4 октября между администрацией США и последним кайзеровским правительством начался интенсивный обмен нотами. Рассматривая этот решающий эпизод дипломатической истории Первой мировой войны, известный французский

²⁸ *Wilson W. War and Peace...*, p. 10.

²⁹ *Le Figaro*, 25.III.1918.

³⁰ *Kaspi A. La France et le concours americain (Février 1917 – novembre 1918)*. Lille, 1975, p. 852.

³¹ *Уткин А. И. Указ. соч.*, с. 198–199.

историк-международник Ж. Б. Дюрозель отмечал, что контакты между немцами и американцами начались намного раньше и прошли несколько фаз. Первая — с августа до двадцатых чисел сентября 1918 г. В этот период немцы осуществили зондаж намерений американского президента и пришли к пониманию неотвратимости переговоров, если положение на фронтах и внутри страны не улучшится. Вторая фаза — с 29 сентября до 26 октября стала кульминацией немецко-американских контактов. В результате обмена нотами немецкая сторона вынуждена была согласиться на принятие «14 пунктов» в качестве основы переговоров (с учетом положений, выдвинутых в речи президента 27 сентября, комментариях Госдепартамента и заявлений и интерпретаций Э. Хауза). В свою очередь третья фаза, которая началась 27 октября и завершилась подписанием 11 ноября 1918 г. текста перемирия, становилась наиболее сложной и драматичной³².

На это же время приходится и ознакомление американским президентом европейских союзников с перепиской своей канцелярии с немецким правительством. Кабинет Ж. Клемансо, французский политический мир и общественность получили «из первых рук» информацию о характере и содержании переговоров по вопросам заключения перемирия. Одновременно администрация В. Вильсона предложила союзникам высказать свое мнение относительно целей войны и возможностей ее прекращения, приняв к сведению принципы, которые были доведены до немцев. Сделано все это было на третьей, заключительной фазе переговоров в двадцатых числах октября. По этому поводу французский дипломат Ж. Ларош, занимавший ответственный пост в Министерстве иностранных дел, позднее, в своих воспоминаниях, отмечал: «У меня, как и у многих других сложилось ощущение, что диалог, начавшийся между Вашингтоном и Берлином, разворачивался через наши головы»³³.

Этот эпизод дипломатического финала мировой войны вызвал громкий резонанс во Франции. Тут с великим подозрением и ревностью следили за налаживанием контактов между Германией и США. В сознании и ментальности французов отложилось то, что именно Франция понесла огромные жертвы и пострадала от злодеяний немцев, вынесла основную тяжесть войны. В политических кругах французской «правой» нарастали требования, чтоб правительство добивалось закрепления в тексте перемирия действенных гарантий безопасности. Интернационалистская направленность «14 пунктов», даже с комментариями и дополнениями, по их убеждению, не давали оснований рассматривать их как реальный фактор предотвращения новой германской агрессии. Это порождало напряженность в отношениях с Америкой, на что обращало внимание немало исследователей. Суть менталитета французского руководства относительно войны и победы раскрыл известный историк и публицист А. Бреаль. Он отметил, что поскольку военные действия разворачивались на территории Франции и Бельгии, «вполне естественным было считать, что победа союзников была ничем иным, как победой французской. Однако время засвидетельствовало, что она стала американской»³⁴. Такого же мнения придерживались историки К. и А. Амброси: «Для французов победа 1918 г. была, в первую очередь, французской победой... Она вызвала законное чувство национальной гордости, и было очень мало тех, кто мог понять, что без американцев победа оставалась бы под сомнением»³⁵.

Следует отметить, задолго до того, как руководители держав Антанты и США начали обсуждать вопросы перемирия, между ними выявились крупные противоречия. Они накладывались на англо-американские разногласия относительно «свободы морей» и морских вооружений. В конце октября 1918 г. полковник Э. Хауз приступил к консультациям с главами правительств и экспертами Франции, Великобритании,

³² *Duroselle J.-B.* Les relations franco-allemande de 1914 à 1939. Fascicule I. Paris, 1969, p. 112, 119.

³³ *Laroche J.* Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. Paris, 1957, p. 54.

³⁴ *Bréal A.* Philippe Berthelot. Paris, 1937, p. 189.

³⁵ *Ambrosi Ch. et A.* La France. 1870–1970. Paris, 1971, p. 129.

Италии и Бельгии. Эти консультации проходили на фоне острого недовольства европейских союзников Америкой в том числе в связи с той мессианской ролью, которую возложил на себя В. Вильсон. Возникла проблема усвоения его принципов европейцами. Г. Киссинджер был недалек от истины, когда объяснял в своей «Дипломатии»: «Победители в первой мировой войне были настолько истощены понесенными ими жертвами и все еще до такой степени зависели от американского гиганта, что не могли пойти на резкий спор с ним, результатом чего могло бы стать самоустранение от мирного урегулирования»³⁶.

31 октября Высший совет Антанты начал обсуждение условий перемирия, используя в том числе информацию о переговорах с немцами, предоставленную американской стороной. Результатом стало обращение союзников к президенту США 4 ноября со своими соображениями. В частности, ему было предложено, чтобы он довел до сведения немецкого правительства, что оно должно выслать парламентариев в Ставку Главнокомандующего союзными войсками маршала Ф. Фоша, который уведомит их об условиях перемирия. Этот демарш был осуществлен при активном участии Ж. Клемансо и французской дипломатии. В обращении также содержалась просьба передать представителям Германии меморандум с замечаниями союзных правительств на ноты, которыми обменивались американский президент и немецкое руководство. В основу этого документа лег меморандум Фоша от 16 октября. Он, в частности, предусматривал такие гарантии безопасности, как ликвидацию Германией тяжелых вооружений, транспортных средств, военной техники. Под нажимом Клемансо в меморандум также был включен пункт об оккупации союзническими войсками левого берега Рейна как условия покрытия военных расходов и выплаты репараций³⁷.

Все эти события по-разному воспринимались в политических кругах Франции. Тут произошел раскол вследствие перехода социалистической партии (СФИО) в оппозицию. Одной из главных причин стало отношение к вопросам войны и мира. Сложившаяся ситуация отражала процесс полевения партии под влиянием тяжелых последствий войны и углубления социального противостояния. На Международной конференции в Стокгольме в сентябре 1917 г. социалистами была выдвинута альтернатива официальной политике войны до победного конца. После российских событий среди левых элементов усилились требования интернациональной солидарности трудящихся, прекращения империалистической войны и поддержки Русской революции. Это вызвало шквал обвинений в парламенте и прессе о сделке с большевиками и предательстве национальных интересов. Во Франции правые даже закрепили за ними кличку «наши болши» (*nos bolches*) по аналогии с «бошами» (презрительная кличка немцев) и большевиками. В момент, когда в правительстве, парламенте, партийных штабах, редакциях газет разрабатывались и обсуждались условия перемирия, конфронтация с социалистами приняла необратимый характер³⁸.

Выход партнеров из войны и поражения на фронтах делали положение Германии безнадежным. Концовка американо-немецких переговоров проходила в условиях, когда Германия оказалась уже охваченной революцией. 3 ноября восстал гарнизон Килия, 4-го власть оказалась в руках совета матросских и солдатских депутатов. На следующий день восставшие матросы, солдаты и рабочие захватили Любек, Гамбург, Бремен.

5 ноября, в разгар революционных событий, кабинет М. Баденского получил ноту госсекретаря США Р. Лансинга. Она содержала требования прекращения военных действий на фронтах и заключения перемирия. В это время кайзеровский режим пал, сам кайзер Вильгельм II скрылся в Голландии. Под давлением союзников в отставку ушел один из влиятельнейших представителей военной касты генерал-квартирмейстер

³⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 202.

³⁷ Renouvin P. L'Armistice de Rethondes, p. 197–198.

³⁸ Le Populaire, 17.X.1918; Bataille V. et Paul D. De mutenerie à la Victoire. 1917–1918. Paris, 1965, p. 225–227.

Э. фон Людендорф. Новое правительство, возникшее на гребне революционной волны – Совет народных уполномоченных во главе с лидером СДПГ Ф. Эрбертом, заявило о согласии начать мирные переговоры и заключить перемирие на базе вильсоновских принципов.

* * *

В ответственный момент, наступивший в начале ноября 1918 г., Ж. Клемансо и силы, что стояли за ним, добивались от союзников и немцев закрепления уже в тексте перемирия французских требований. Характерным в этой связи было то, что 5 ноября, когда президенту США подали обращение немецкого правительства с согласием начать мирные переговоры на основе «14 пунктов», главнокомандующий союзными войсками маршал Ф. Фош подготовил приказ об установлении контроля над проливами Босфор и Дарданеллы и активизации военных действий против Германии в Причерноморье.

Воинственные планы правительства, как свидетельствуют документы, разделялись в тот период большинством правительственных партий, прежде всего правой направленности – Республиканской Федерацией и Республиканско-демократическим альянсом. Суть их подходов раскрывает программа влиятельного Республиканско-демократического альянса, составленная его лидером П.-Э. Фланденом: «Пусть культ отчизны объединит в этот решающий час всех граждан и пусть их стремление к миру сочетается, прежде всего, с защитой священных прав Франции, вместо того, чтоб предаваться интернационалистским мечтаниям, которые не содержат никаких гарантий безопасности»³⁹.

В то же время по вопросам окончания войны и мирного урегулирования выявилась оппозиция курсу Клемансо среди его оппонентов внутри самой «правой». Против амбициозных требований премьера выступили главы кабинетов военной поры А. Рибо, А. Бриан, один из руководителей Республиканской Федерации Л. Барту и др. Исходя из реальной политической ситуации они заявили о необходимости более лояльного сотрудничества с союзниками, в первую очередь, с Англией и США. Вместе с тем, в полном согласии с другими правыми, они осуждали пацифистские заявления, с которыми выступило руководство партии радикалов, во многом ориентировавшееся в тот период на социалистов. Радикалы, в отличие от правых, поддержали «14 пунктов» Вильсона, усмотрев в них реальный шанс достойного выхода из войны⁴⁰.

В свою очередь подавляющая часть консервативных сил, выступая в защиту «священных прав» Франции, призывала к наращиванию усилий в войне, чтобы принудить немцев к полной капитуляции, без чего, по их мнению, не могло идти речи о реальных гарантиях. Дискуссии, развернувшиеся в политических сферах, касались вопросов территориального переустройства, вооружения и разоружения, военной стратегии и обороны, весомости союзнических отношений. Поднимались проблемы экономического, социального, демографического порядка. Исчислялись количественный состав населения Германии и Франции, занятия, быт, ментальность, обычаи, культурные приобретения немцев и французов, даже их интеллектуальный уровень. Обсуждались навыки двух народов в военном деле, эффективность их военной организации, ландшафт и рельеф границ между ними, стратегические особенности прохождения и т.д.

Со стороны «правой» ширились призывы возвращения Франции к «естественным границам». Концепция «естественных границ» была выдвинута еще в XVII в. кардиналом Ришелье в его политическом завещании: французские границы простираются вдоль Альп, Пиренеев и Рейна⁴¹, что должно было лишить Германию наиболее развитых промышленных областей Рейнской зоны.

³⁹ *Flandin P.-E.* Un Programme d'action pour l'Alliance Democratique. Paris, 1933, p. 14.

⁴⁰ *Miquel P.* La Paix de Versailles et l'opinion publique française. Paris, 1972, p. 16.

⁴¹ *Ришельё А. Ж. дю Плесси.* Политическое завещание. Принципы управления государством. М., 2008.

Созданию безопасных границ отводилось одно из главных мест в требованиях правых, что являлось традиционной политикой французских королей еще со времен Вестфальского мира 1648 г. Тогда этот мир закрепил победу Антигабсбургской коалиции в Тридцатилетней войне, привел к тотальному расчленению немецких земель и утверждению Франции на Рейне. Немецкий историк Г. Србик отмечал, что Вестфальский мир, заключенный послами заинтересованных держав с императором Священной Римской империи, был «извечным законом французской гегемонии и немецкой слабости»⁴².

Представители французской «традиционной правой», к которой причисляли монархистов, клерикалов и крайних националистов, усматривали пути решения немецкого вопроса именно в политике Ришелье, материализованной в статьях Вестфальского мира. Один из руководителей монархической организации «Аксьон франсез» известный историк и публицист, академик Ж. Бенвиль, изложил ее суть в присущей ему афористичной форме — «организованная анархия в Германии — есть гарантированная французская безопасность»⁴³.

Расчленение Германии, которую обвиняли в единоличной ответственности за развязывание войны, воспринималось правыми и крайне правыми важнейшим залогом безопасности. Они обосновывали необходимость отторжения от нее не только Эльзаса и Лотарингии, о чем упоминалось и в «14 пунктах» Вильсона, но и всей Рейнской области. «Рейн, — доказывал в своих выступлениях и статьях депутат Республиканской Федерации Ф. Анжеран, — это естественная граница Франции, он обеспечивает ее самооборону»⁴⁴.

Во Франции обструкция миротворческим усилиям Вильсона проявлялась особенно сильно. Президент Р. Пуанкаре призвал отклонить немецкое обращение о перемирии и продолжать военные действия, пока в руках победителей не окажется Берлин. Только полная победа и безоговорочная капитуляция врага, подчеркивал он, откроет возможность продиктовать немцам условия союзников⁴⁵. В свою очередь в воззвании националистической Гражданской лиги, опубликованном в разгар немецко-американского диалога, 27 октября 1918 г., также содержался призыв к продолжению войны и завоеванию победы. Обращение немцев к властям США характеризовалось здесь не иначе как «западня». Приводилась и соответствующая версия причин такого обращения. В частности отмечалось, что «трон Гогенцоллернов шатается под ударами французских «пуалю», «приближается их крах». («Пуалю» во Франции называли ветеранов, которые имели большой опыт, награды за мужество и безукоризненное выполнение воинского долга). Именно поэтому, подчеркивалось в воззвании, «Вильгельм Кровавый приглашает к переговорам, преследуя при этом одну цель — внесение раскола в ряды союзников. Ему нужно выиграть время, чтоб укрепить полосу обороны и усилить фронт новыми соединениями». Далее указывалось, что Лига выступает за создание прочного и длительного мира «как проявление триумфа свободы, справедливости и права. Однако на такой основе нет смысла разговаривать с Германией. Гогенцоллерны должны оказаться за пределами человечества. С преступниками не ведут переговоров».

Гражданская лига требовала от правительства принудить Германию к безоговорочной капитуляции. Это стало бы условием принятия ею французских гарантий. Акцент делался на закреплении в тексте перемирия «справедливых» требований победителей. «Франция и ее союзники, — подчеркивалось тут, — должны иметь гарантии». Если же немцы не согласятся, тогда «ни переговоров, ни компромиссов. Долой предательский мир!»⁴⁶.

⁴² *Srbik H.* Der Westfaliche Frieden. Frankfurt am Main, 1940, S. 12.

⁴³ *Bainville J.* Histoire de deux peuples continuée jusqu'à Hitler. Paris, 1939, p. 49.

⁴⁴ *Анжеран Ф.* Лотарингские границы и сила Германии. М., 1924, с. 34.

⁴⁵ *Le Temps*, 2.XI.1918.

⁴⁶ *Contamine A.* La France devant la Victoire — Revue d'histoire moderne et contemporaine. L'Europe en novembre 1918. T. XVI. Janvier—mars 1969 (Colloque sur l'Europe en novembre 1918), p. 141.

Правые и значительная часть умеренных партий усматривали гарантии безопасности в раздроблении и максимальном ослаблении Германии. Так, Л. Марген (Демократический альянс), выступая 9 ноября в Палате депутатов, призвал использовать «в интересах нации» ситуацию, которая сложилась в связи с согласием немцев на подписание перемирия. «Нам представился случай, — заявил он, — и мы обязаны создать несколько немецких республик. Только это будет единственным залогом мира!»⁴⁷.

Заявления лидеров французской «правой» и официальные демарши правительства Ж. Клемансо засвидетельствовали стремление навязать врагу и союзникам наиболее жесткие условия прекращения военных действий. Под давлением французского премьер-министра в тексте перемирия появились положения об оккупации союзническими войсками левого берега Рейна и выдаче немцами значительного количества военных материалов, техники и транспорта. В момент обсуждения условий перемирия на это обратили внимание представители Великобритании и США. 29 октября специальный представитель американского президента Э. Хауз, после заседания Высшего совета Антанты, отметил: «Вышло так, что военные условия, рассмотренные и одобренные главами правительств, были французскими условиями». Эти условия в редакции, как они были сформулированы Фошем, «оказались чрезвычайно суровыми». В телеграмме президенту Вильсону от 30 октября, отмечая позицию французских представителей, Э. Хауз сослался на заявление Клемансо о том, что он никогда не сможет оправдаться перед Палатой депутатов, если оккупация левого берега Рейна не станет составной частью перемирия и что армия также требует этого, как награду за длительную оккупацию французской территории⁴⁸. Также в противовес союзникам Клемансо добивался, чтобы в текст перемирия были внесены пункты о выплате Германией репарационных платежей. Д. Ллойд Джордж в этой связи отметил, что пункты, на которых настаивает французский премьер, скорее подходят для обсуждения мирного договора и выступил против детального перечисления требований в тексте перемирия.

Фактически в этот период Ж. Клемансо и его кабинетом начинает разрабатываться французская «программа мира», основу которой составляли требования, выдвинутые во время американо-немецких контактов. В своих основных пунктах они сильно отклонялись от официальных деклараций о целях войны и шли вразрез с духом и буквой «14 пунктов». Именно на этот факт обращали внимание представители социалистической партии. Социалисты подняли голос против «гуннского мира», которого добивался кабинет Клемансо в условиях начавшейся в Германии революции. В ряде резолюций центральных органов партии осуждались попытки правительства «действовать с позиции силы»⁴⁹.

Однако СФИО, единственная партия, выступившая против домогательств правых, к концу войны переживала кризис. На фронтах мировой войны она потеряла более половины своих членов. Обострилась фракционная борьба и активизировалась деятельность революционных элементов, выступавших в защиту советской России. После перехода партии в оппозицию в сентябре 1917 г., началась переоценка характера войны, трактовка ее как империалистической. Исходя из этого, разоблачались цели в войне руководителей обеих воюющих коалиций. Поэтому принципы Вильсона воспринимались как такие, которые создают возможность завершения войны демократическим миром. В этой связи один из лидеров партии А. Тома 10 января 1918 г. писал в «Энформасьон», что в «14 пунктах» излагаются обязательства наций Антанты по восстановлению справедливости в международных делах. Это, по его утверждению, «является достойным ответом Русской революции» и свидетельствует о том, что

⁴⁷ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. 11—me législature. Session ordinaire de 1918. Tome unique. Troisième partie. Du 9 Octobre au 31 Décembre 1918. Paris, 1920, p. 2234.

⁴⁸ Архив полковника Хауза, т. IV. М., 1944, с. 90–91.

⁴⁹ L'Humanité, 8.XI.1918.

западные демократии свободны от каких-либо империалистических стремлений. «Сегодня моральная сила Антанты не имеет себе равных», — делал вывод этот убежденный сторонник реформистского социализма. Далее он указывал, что речь идет не о выборе между Вильсоном и Лениным, поскольку «политика одного дополняет политику другого»⁵⁰. Интересно, что в момент окончания войны, по убеждению многих французских социалистов, принципы Вильсона перекликались с лозунгами большевиков о прекращении мировой бойни и заключении справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций.

15 октября 1918 г. Постоянная административная комиссия (ПАК) СФИО направила американскому президенту адрес, в котором была выражена поддержка его усилиям положить конец мировой войне. Вокруг содержания послания в партии развернулись острые дискуссии. Соглашательские элементы в условиях, когда правые силы открыто требовали реализации экспансионистской программы, вынуждены были пойти на уступки интернационалистским фракциям относительно сути и содержания перемирия. Так М. Кашен, один из «патриархов» партии, главный редактор ее центрального органа «Юманите», предложил резолюцию, в которой шла речь об ответственности держав Антанты, в случае, если их чрезмерные требования вызовут срыв переговоров и волну национализма в Германии. Исходя из этого, в резолюции содержались пожелания, опираясь на положения «14 пунктов», избегать «по результатам войны осуществлять какие-либо изменения политической карты мира» и использовать все средства, чтобы «заставить противника дать четкие разъяснения своих намерений»⁵¹.

Условия перемирия, обсуждавшиеся на страницах прессы, вызвали широкий резонанс в обществе и политических кругах и стали лакмусовой бумажкой для понимания подходов к принципам послевоенного устройства. Расхождения в отношении характера перемирия между основными партиями и организациями Третьей республики, с одной стороны, и социалистической партией — с другой, уже в этот период обусловили глубокий внутренний раскол по вопросам мирного урегулирования.

На этой же почве происходила радикализация левого крыла социалистической партии, которое в действиях реформистов усматривало продолжение соглашательской линии с империалистически настроенной буржуазией. Так, в «Декларации принципов» Комитета защиты международного социализма, опубликованном в «Попюлер» 15 октября, содержались заявления о необходимости завоевания политической власти организованным пролетариатом и о полном разрыве с буржуазией. Пролетарская власть подавалась как такая, что лишена пороков «империализма и национализма». В Декларации также отмечалось, что «социалистическая партия не несет ответственности за возникновение войны, как и за ее продолжение». Вместе с тем в ней содержалась характерная ремарка, касательно того, что вклад социалистов «в дело национальной обороны никто не может приуменьшить или отрицать». Иначе, в октябре 1918 г. даже левые утверждали, что партия занимала патриотические позиции в ходе войны. Применительно к условиям прекращения мирового конфликта декларация уведомляла, что «национальная оборона не может сопровождаться какими-либо империалистическими или завоевательными требованиями» и «не может быть решена исключительно военными средствами». Комитет настаивал на том, что только «союз пролетариев всех стран является наиболее действенным средством достижения демократического мира, который имеет целью защиту всех отечеств от угрозы, которая еще сохраняется».

В Декларации осуждалась политика поддержки военных кабинетов руководством партии, его позиция неприятия Русской революции и методов большевиков. Звучали призывы «ко всем социалистам» дать отпор такой политике, в связи с чем подчеркивалось: «Империализм — ваш враг! Остерегайтесь во имя национальной обороны

---

⁵⁰ Un grand citoyen du monde Albert Thomas vivant (Etudes. Témoignages.Souvenirs). Paris, 1967, p. 345.

⁵¹ Le Populaire, 16.X.1918.

втянуть страну, опьяненную победоносными реляциями, на губительный путь безмерных завоеваний и насильственных захватов! Объединяйтесь, сплывайтесь, чтоб всеми силами добиваться демократического мира без аннексий и контрибуций, который является неотъемлемым условием всеобщего разоружения и содружества народов!»⁵² Реальность засвидетельствовала, что радикальные декларации левых о содружестве народов и освобождении мира от империалистических тенденций оставались утопической риторикой. В обстановке приближающегося окончания войны они ловко обыгрывались противниками социалистов, увеличивая политические дивиденды «патриотов» и «националистов» и ослабляя позиции «пацифистов».

Опасение оказаться в изоляции в решающий час завершения мирового конфликта и нарастание внутреннего противоборства, в конечном счете, предопределили одобрение программы Вильсона в качестве политической платформы ведения мирных переговоров и подписания Компьенского перемирия. В резолюции Палаты депутатов 7 октября 1918 г., принятой большинством голосов представителей умеренных и значительной части правых фракций, декларировалась приверженность демократическим нормам ведения мирных переговоров. Общим вердиктом большинства парламентских фракций, зафиксированным в резолюции, стало требование принуждения противника принять условия союзников «без ограничений и оговорок»⁵³. Однако сохранявшиеся расхождения послужили импульсом постоянно проявлявшейся в 1920–1930-е годы конфронтации по вопросам послевоенного урегулирования и обеспечения безопасности.

* * *

Реакция в политическом мире Франции на развернувшиеся в октябре – ноябре 1918 г. американо-немецкие дипломатические контакты относительно прекращения военных действий и заключения перемирия, отличалась неоднозначностью. Причиной было различное отношение политических партий, общественности, правительства, в том числе отдельных министров, как в целом к войне, так и целям, ради которых, по их мнению, страна вступила в новую тяжелую схватку с Германией. Утверждение представлений об освободительном характере войны для Франции, ее высокой миссии как защитницы цивилизации и международного права от «немецкого варварства», восстановлению исторической справедливости, попранной Германией в 1871 г. отторжением Эльзаса и Лотарингии, обусловили формирование определенной национальной консолидации («священного единения»). Перелом в войне, достигнутый странами Согласия в конце лета – осенью 1918 г. и начавшийся в этот период американо-немецкий обмен нотами на предмет поисков возможности заключения перемирия, углубили политическое противостояние, обострившееся еще ранее, осенью 1917 г. в связи с переходом социалистической партии в оппозицию.

Выявившиеся еще на заключительном этапе войны конфронтационные мотивы относительно лидирующей роли США в разрешении жизненно важных для Франции проблем мирного урегулирования и обеспечения безопасности, сути и направленности «14 пунктов» президента В. Вильсона, стремления уже в тексте перемирия закрепить основополагающие требования французской стороны, обусловили как возросшее напряжение в отношениях с союзниками, так и усиление внутривнутриполитической борьбы по этим вопросам. Уже в этот период обозначился водораздел между основными политическими формированиями Третьей республики (преимущественно правого и крайне правого толка, поддерживавшими кабинет Ж. Клемансо), добивавшихся обеспечения безопасности за счет максимального ослабления Германии и сохранения «плодов победы», и социалистической партией, поддерживавшей идеи

⁵² Le Populaire, 15.X.1918.

⁵³ Journal Officiel de la République Française. Lois et décrets, arrêtés, circulaires, communications, informations et annoncés. Paris, 1918, p. 196.

«новой демократии» и «новой дипломатии» В. Вильсона. Определенное воздействие на позицию социалистов оказала Русская революция и пропагандируемые ею принципы заключения мира «без аннексий и контрибуций».

Повышенная конфронтационность объяснялась также значительным диссонансом, проявлявшимся среди многочисленных республиканских группировок, традиционно выступавших в защиту демократии, цивилизованных норм, республиканских ценностей, права, в том числе «прав наций» и стремлением, используя представившуюся возможность, решить германский вопрос так, чтобы навсегда ликвидировать угрозу из-за Рейна и обеспечить наступление «пацифистской эры».

В различных формах и модификациях, борьба по этим вопросам наполняла французскую политическую жизнь в течение всего межвоенного периода. С решением проблем безопасности, долгов и репараций, разоружения, гарантийных пактов с бывшими союзниками переплетались сложные вопросы стабилизации финансово-экономического положения и социальной сферы, внешнеполитической ориентации, отношений с СССР и др.

Попытки беспринципных сделок между проделавшими значительную эволюцию протагонистами националистических требований и «пацифистами», склонявшимся к нормализации отношений с Германией за счет корректировки Компьенского перемирия и Версальского мира, вылились во второй половине 1930-х годов в политику «умиротворения» агрессора, следствием чего стала «национальная катастрофа» 1940 г.